

Тайная база Ли Чу — это Небесная Башня, место, где его почти никто не мог обнаружить.

Это был рай для Ли Чу. Здесь, в Небесной Башне, он мог делать всё, что захочет, и быть самым собой.

Ли Чу потратил немало сил и, запыхавшись, взобрался на Небесную Башню.

В следующую секунду спина, возникшая перед его глазами, заставила его замереть на месте.

По логике вещей, этот тайник никто и никогда не должен был отыскать, и Ли Чу немного удивился: как этот человек его нашёл?

Впрочем, Ли Чу лишь слегка полюбопытствовал, подумав, что у него нет права излишне вмешиваться в чужие дела.

С момента переезда в Хуасинь он находился на самом дне и почитал за благо хотя бы мирно продержаться здесь все три года.

Ли Чу никогда ни с кем не делился тем, через что ему пришлось пройти в Хуасинь, — всё оставлял при себе, проглатывая обиды.

Приёмная мать с таким трудом оплачивала его учёбу, и он был ей бесконечно благодарен; он не мог позволить ей лишний раз волноваться.

Поэтому в подавляющем большинстве случаев Ли Чу терпел изо всех сил. Он не смел натворить бед, прекрасно понимая: стоит ему оступиться, как приёмная мать может потерять абсолютно всё.

Он не имел права рисковать и позволить ей загубить всю свою жизнь.

Бросив взгляд на чужую спину, Ли Чу благоразумно отдалился и встал в другом углу.

С поблекшим, лишённым всяких эмоций выражением лица он уставился куда-то вдаль, как вдруг до его слуха долетел знакомый голос:

— Что он сказал? — (Он — это врач).

Ли Чу решил, что у него слуховые галлюцинации, и, до конца не веря своим ушам, нахмурился и замер на мгновение.

Его взгляд переместился на Цзян Го. Стоявший спиной к солнцу Цзян Го словно покрылся

тонким слоем золотого сияния.

В лучах света его волосы отливали золотом и ярко блестели, заставляя Ли Чу заворуженно смотреть на него снова и снова.

Прямой нос Цзян Го, его глубокие глаза и озаряющее со всех сторон золотое сияние казались невероятно ослепительными. Исходившая от Цзян Го пронизывающая ледяная аура рассеялась, сменившись теплом.

Это заставило Ли Чу вспомнить фотографию на надгробной плите — казалось, они от рождения наделены отталкивающей внешностью, будто отгораживающей их от всего мира.

Ли Чу зачарованно погрузился в свои мысли. Он уже так давно не ощущал, как это чудесно — когда тебя согревает солнечный свет.

Ему безумно хотелось обнять это тёплое солнце.

Но всё это было лишь плодом его фантазий.

Лишь раздавшееся неподалёку покашливание заставило Ли Чу осознать, как неуместно он себя ведёт. Он торопливо опустил голову, переведя взгляд на землю, пытаясь унять охватившее его чувство вины.

В тот самый момент, когда он опустил голову, Цзян Го развернулся к нему лицом. Его взгляд замер на покрасневших кончиках ушей Ли Чу, и он не мог отвести глаз.

Забавно!

Прямо как маленький ребёнок, совершивший проступок.

В таком виде Ли Чу был донельзя похож на Цзян Тан.

На лице Цзян Го, стоявшего спиной к свету, уголки губ едва заметно приподнялись. Видимо, заметив выражение собственного лица, Цзян Го тут же нахмурился и напустил на себя невозмутимый, строгий вид.

Ли Чу совершенно не догадывался о том, в каком ошеломлении и замешательстве тот замер на месте, не зная, как себя вести.

Цзян Го кашлянул ещё пару раз — уже громче, — а затем с равнодушным лицом, словно чужой человек, прошёл мимо Ли Чу.

Цзян Го мастерски умел скрывать эмоции, и они крайне редко прорывались наружу.

Все острые углы его характера давно сгладились, и он был твёрдо уверен: его дни так и останутся мрачными, без единого лучика света, способного проникнуть сквозь темноту.

Начиная с одиннадцати лет Цзян Го принял эту горькую правду.

Никто не останется с ним рядом навсегда. Само его существование было ошибкой, поэтому небеса покарали его, забрав мать.

Она ушла в чистую землю блаженства.

Именно поэтому Цзян Го научился сдерживать свои чувства: никто и никогда не станет заботиться о нём так, как это делала мать.

Покидая Небесную Башню, Цзян Го, казалось, вёл с собой внутреннюю борьбу — он никак не мог заставить себя продолжить разговор с Ли Чу.

В конце концов, они были словно две параллельные линии, которым суждено никогда не пересечься.

Он посчитал, что перешёл черту.

Просто пожалел жалкого Ли Чу и по доброте душевной оказал маленькую услугу.

Вот только Цзян Го упустил из виду одну важную вещь.

Когда Ли Чу в тревоге судорожно вцепился ему в запястье и слабым, умоляющим голосом просил о помощи, это проявление доброты давно перестало быть просто благодеянием.

Только когда Цзян Го покинул Небесную Башню, Ли Чу медленно поднял голову. Озадаченно глядя в ту сторону, где скрылся Цзян Го, он всё больше убеждался, что ему и впрямь слышалось.

Разве мог такой высокомерный, холодный, отстранённый и неприступный человек, как Цзян Го, сказать что-то участливое?

Ли Чу стоял на Небесной Башне, обдуваемый тяжёлым, душным ветром, а в его голове роились тысячи мыслей.

Лишь дождавшись, когда закатное солнце полностью угаснет, он отправился домой.

Едва переступив порог, он услышал звон разбившейся о пол посуды.

Ли Чу был невероятно чуток к этому звуку — он сразу понял, что вернулся приёмный отец.

— Ты что, хочешь меня до смерти отравить своим соленым варевом? А! Сдохнешь ты, тварь!

— Чего ты там жестикулируешь, разговаривай со мной! Ах да, забыл, ты же глухая наглухо, да к тому же немая уродина.

— Ты и заслуживаешь того, чтобы ничего не слышать.

— Смотри, как я тебя сейчас зашибу!

Когда приёмный отец занёс ногу для мощного удара по приёмной матери, Ли Чу стремительно бросился вперёд, заслонив её собой.

Удар пришёлся Ли Чу прямо в живот, отчего его тело мгновенно пробила судорога.

Однако Ли Чу стерпел боль, не издав ни звука, и лишь крепче прижал приёмную мать к груди.

Совсем как в детстве, когда мать закрывала его от ударов.

Увидев, что Ли Чу защищает её, приёмный отец взбесился еще сильнее и с удвоенной яростью обрушил побои на парня, извергая грязные ругательства.

— Тьфу, да чтоб вас обоих растоптало! Вы же просто обуза для меня!

— Две конченные твари, дармоедки...

— Черт, да сдохните вы уже оба! Получайте, суки...

<http://bllate.org/book/22343/2340960>